

УДК 821.111

**ИДЕЙНОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПСЕВДОСРЕДНЕВЕКОВОЙ
МИСТИФИКАЦИИ: «ПОЭМЫ РОУЛИ» ТОМАСА ЧАТТЕРТОНА****М.А. АНИСИМОВА***(Полоцкий государственный университет)**anisimava-marya@yandex.by*

Анализируется сборник псевдосредневековых мистификаций – «Поэмы Роули» Томаса Чаттертона. Рассматривается художественное и идейное своеобразие «поэм», а также их роль в реализации новых художественных принципов, появившихся в искусстве второй половины XVIII в. на стыке двух крупных культурных движений: Просвещения и романтизма. Особое внимание уделяется возможным предпосылкам обращения автора именно к данному литературному приему, их смысловой и тематической направленности, стилизации и жанровому своеобразию произведений, а также многообразию художественных средств, используемых автором при их создании. На основании проанализированного материала делается вывод о высокой идейной и художественной ценности мистификации, которая представляет собой не просто пример великолепной стилизации, но является источником формирования новой для этого периода творческой мысли и реализации одного из главных принципов романтического движения: возрождения национальной культуры и средневековых поэтических форм как способов противостояния чрезмерному рационализму и универсализму Просвещения.

Ключевые слова: *псевдосредневековая мистификация, монах-поэт, историческая правда, художественная правда, национальное и культурное возрождение, поэтичность*

Введение. Проблема литературной мистификации всегда была противоречивым и спорным вопросом и почти таким же древним, как сама история литературы. Хорошо сфабрикованное и стилизованное произведение никогда не представляет собой бесполезное намерение автора и обычно предполагает долгое и тщательное изучение материала, анализ исторического периода, художественную обработку и работу над реалистичностью образа. Несмотря на неоднозначное отношение читателей и критиков к мистификациям, которым зачастую приписывают оскорбительный статус подделки, многие из них являются высокохудожественными произведениями. Как отмечает литературовед Е. Ланн: «эстетическая ценность мистификации соотносится с ее художественной правдой, а мистификатор, успешно разрешивший задачу переключить свое мироощущение, тем самым доказывает свое крупное художественное дарование» [1, с. 55]. Добровольный отказ писателя от авторства и преднамеренная передача его другому, порой вымышленному лицу, обусловлены многими факторами не только сугубо личными, но и социальными, политическими, культурными, которые оказываются гораздо более значимыми, «чем те эмоции, с какими писатель встречает свое имя под произведением» [1, с. 29].

Одной из таких мистификаций является литературный сборник английского поэта Томаса Чаттертона «Поэмы Роули». Весьма короткая жизнь и творчество поэта (1752–1770) как раз пришлись на переломный период в жизни Англии во многих сферах: политической, культурной, духовной. Как отмечает Фридрих Мейнеке: «XVIII век – один из величайших примеров кажущейся абсолютной победы новой духовной силы на определенное время, когда уже с начала ее победного шествия эта сила сопровождается противодействующей тенденцией, которая ее позже и сменяет» [2]. Этой «противодействующей силой» становится предромантизм. Обращение просветителей к классике и учреждение нерушимых универсальных ценностей, которые изначально возникли в греческой, латинской и позже укоренились во французской культуре, показали себя ограничивающими и в некотором смысле деструктивными в контексте английской национальной истории и культуры. Подчинение классическому канону оказалось игрой по правилам, чуждым английскому менталитету и мировосприятию, ведь стремление сохранить и подчеркнуть свою обособленность и независимость от Европейского континента всегда было свойственно Туманному Альбиону. Искусство теряло свою аутентичность, а культурная жизнь становилась пресной и однообразной, что не могло не вызывать определенного негодования и стремления изменить ситуацию. Переходный период от Просвещения к романтизму базировался на формировании новых эстетических принципов, отказе от универсализма и классических канонов красоты во всех формах искусства. Также этот этап характеризуется обращением к культуре средневековья и историческому прошлому Британии как способу возрождения национального самосознания в период социально-политического упадка в стране и разочарования в идеалах Просвещения. «Поэмы Роули» становятся значимым катализатором в реализации этой ключевой идеи.

Основная часть. Сложно сказать, под влиянием чего сформировался интерес у совсем юного Чаттертона к далекому прошлому в то время, когда все вокруг: культура, искусство, общественные идеалы – еще было насквозь пропитано духом Просвещения, где все средневековое рассматривалось как низменное и варварское. Еще в раннем детстве, будучи по природе ребенком неординарным, он отказывался учиться грамоте в школе, но зато его пылкий ум не мог пройти мимо старинных рукописных церковных буклетов, которые остались в доме после смерти отца, служившего псаломщиком в бристольской церкви Св. Марии Рэдклифф. Ответившие рукописи мать за ненадобностью использовала для растопки очага. Об этом писала уже после смерти поэта его сестра в письме к Герберту Крофту, автору романа «Любовь и безумие» (1780), который стал первым, как ни странно, художественным произведением, в документальной форме поведавшим миру о фено-

мене «прекрасного мальчика»: «He was dull in learning not knowing many letters at 4 years old and always objected to read in a small book. He learnt the Alphabet from an old Folio music book of father's my mother was then bearing up for waste paper, the capitals at the beginning of the verses.¹» [3, с. 143]. Затем, в возрасте 10 лет, произошло еще одно знаменательное событие в жизни будущего поэта. Чаттертон любил подолгу блуждать в окрестностях местной церкви, любясь готической архитектурой старинного здания. Его дядя также прислуживал в церкви, и однажды помогая ему, он обнаружил на чердаке сундук со старинными документами, письмами, поэмами и рисунками. Эта случайная находка явилась ключевым моментом в формировании интересов и мировоззрения будущего поэта и впоследствии явила огромный резонанс в культурной жизни Англии, так как именно она стала основой «Поэм Роули». Эти факты из жизни Чаттертона все больше принято считать мистификацией, как и сами его произведения и предсмертные стихи «Прощай, Бристолия», но они освещены практически всеми биографами поэта: Т. Тирвиттом, Р. Саути, В. Скоттом, Д. Диксом, Дж. Ингремом и др. – и подчеркивают, насколько пренебрежительным в век разума и высоких идеалов было отношение к национальному культурному наследию страны, которое либо пребывало в забвении, либо бездумно уничтожалось.

Кроме того, развитию творческой идеи Чаттертона способствовали отроческие годы, которые он провел сначала в унылых стенах Колстонского колледжа, а затем в ненавистном ученичестве у нотариуса Ламберта, где единственной отдушиной для любознательного Чаттертона стал его далекий, почти сказочный мир средневекового Бристоля, мир произведений Чосера, Спенсера, Шекспира. Не исключено, что именно поэтому возникла такая комплексная и основательная работа по созданию «автора» с его собственной историей и жизнеописанием, где он сам является активным участником событий, представленных в «Поэмах». Мистификация становится его второй параллельной жизнью, его альтер-эго [4]. На первый взгляд произведения молодого поэта кажутся литературной игрой, своеобразным побегом от однообразной реальности скучного провинциального города в другую необычную реальность средневековья, забавой, не имеющей серьезной подоплеки. Возможно, именно так и начал свою работу совсем еще юный поэт, когда в печати вышло его первое произведение средневекового цикла, эклога «Элинор и Джуга» на «староанглийском» диалекте, на самом деле выдуманном самим же Чаттертоном. Но это был 1764 год, когда уже произвели литературный резонанс первые мистификации Оссиановского цикла Джеймса Макферсона, только что вышел в свет «Замок Отранто» Горация Уолпола и готовились к печати «Памятники старинной английской поэзии» Томаса Перси. Все эти произведения возникли как долгожданная альтернатива, «антитеза чрезмерному рационализму и вере в универсальное, неизменное, раз и навсегда установленное» [5, с. 28]. Таким образом, Чаттертон оказывается в эпицентре нового веяния в литературе, и с течением времени творчество его приобретает все большую осознанность и актуальность. При более тщательном и детальном анализе «Поэм Роули» намерение автора становится практически явным, как и причина выбора направления своей творческой деятельности.

«Поэмы Роули» – это не только внушительное собрание средневековых поэтических произведений, баллад, песен, эклог, пьес, исторических поэм, сюда вошли также мемуары, письма, исторические заметки, наброски, геральдические рисунки и карты. И все это богатство было отдано в авторство некоему поэту-монаху XV века Томасу Роули, настоятелю бристольской церкви Св. Марии Рэдклифф, который так же стал объектом вымысла, как и его произведения. Прототипом монаха мог стать поэт Джон Лидгейт, ученик Чосера. Возможно даже провести и некоторую параллель между творчеством Роули и Лидгейта, и соответственно самого Чаттертона. Среди произведений Лидгейта есть героические баллады, эпические сказания, сатиры, любовная лирика, драма. Такое же разнообразие жанров присуще и творчеству Чаттертона-Роули. В мистификации Лидгейт играет не последнюю роль, авторитетный поэт выступает другом и советчиком Роули, выказывает почтение к его творчеству и дает ему высокую оценку: «Amongs the Greeces Homer was // A Poett mouche renownde, // Amongs the Latyns Vyrgilius // Was beste of Poets founde. // The Brytish Merlyn oftenne hanne // The gyfte of inspyration, // And Afled to the Sexonne menne // Dydd synge wythe elocation. // Ynne Norman tymes, Turgotus and // Goode Chaucer dydd excelle, // Thenn Stowe, the Bryghtflowe Carmelytc, // Dydd bare awaic the belle. // Nowe Rowlie ynne thefe mokie dayes // Lendes owte hys sheenyngte lyghtes, // And Turgotus and Chaucer lyves // Ynne ev'ry lyne he wrytes²» [6, с. 182–183]. Он сравнивает Роули с великими поэтами, что, несомненно, свидетельствует о тщеславии Чаттертона, поскольку он и писал эти слова за Лидгейта, но и не умаляет его поэтический дар. Поэтому в какой-то степени эти стихи становятся пророческими.

Томас Роули живет и работает в XV в, но в своих произведениях он делает проекции и на более ранние, но не менее значимые исторические периоды. И.В. Вершинин обосновывает идею обращения Чаттертона именно к этому времени тем, что Англия находилась в сложной ситуации междоусобной войны Алой и Белой Роз, и ни о каком культурном Возрождении, началом Чосером, не могло быть и речи. В то время как процветал Ренессанс во всей остальной Европе, Англия переживала политический, социальный и, как следствие, духов-

¹ Его сестра Мэри вспоминала позднее: «Мой брат был слаб в учении, и в возрасте четырех лет знал лишь несколько букв, и всегда отказывался читать небольшие книги. Он выучил алфавит по старому нотному фолианту моего отца, который моя матушка собиралась использовать в качестве бумаги для розжига. Он выучил заглавные буквы в начале каждого стиха». (Здесь и далее при отсутствии ссылок на русскоязычный источник перевод наш – М. А.)

² У греков был велик Гомер – / Он многим очень мил. // У латинян другой пример – / Вергилий всех затмил // Британец Мерлин часто знал / Приливы вдохновенья // Альфред саксонов услаждал / Прекрасным песнопеньем // И при норманнах был пинт / Тергот и Чоссер славный // А позже – Стоу Кармелит / Стал меж поэтов главный // А в наши сумрачные дни / Всех Роули затмил / И Чосер, и Тергот живут / Во всем, что он створил (Перевод И.В. Вершинина) [4, с. 346].

ный кризис. Поэтому Чаттертон посчитал целесообразным заполнить эту лакуну в истории литературы между Чосером и Шекспиром, придумав своего «литературного титана» Роули [4]. Более того, будучи молодым человеком, не по годам хорошо разбирающимся не только в истории, но и в текущей социально-политической ситуации (об этом свидетельствуют его многочисленные поэтические сатиры), Чаттертон остро прочувствовал насколько духовно ослабло английское общество, потеряло веру в справедливость и светлое будущее. И если в своих сатирах он только высмеивает недостатки общественно-политического уклада жизни современной ему Англии, то можно предположить, что своей мистификацией он наоборот пытается помочь разрешить ситуацию, делая своеобразную проекцию на прошлое и показывая, как вели себя предки в смутное для них время, как сумели его пережить и как смогли сохранить силу духа, стойкость, чувство собственного достоинства. Чаттертон-Роули с гордостью повествует о своих соотечественниках, которые не сдаются, даже если обречены на поражение. Несмотря на горе и лишения, которые принесла «война баронов» (война Алой и Белой Розы) [7] простым людям во «Второй эклоге», «Бристольской трагедии», «Элиноре и Джуге», они сохраняют твердость, стойкость и верность идеалам, умение сострадать, как это делали Вильям Каннинг и Чарльз Боудин. Последний перед казнью с особой гордостью отмечает, что он прожил свою короткую жизнь по законам чести, чем он обязан своему отцу, выходцу из знатного старинного английского рода, который являлся хранителем его лучших традиций, что неизменно передавались из поколения в поколение, от отца к сыну: «In London city was I born. // Of parents of great note // My father did a noble arms // Emblazon on his coat // I make no doubt but he is gone / Where soon I hope to go // Where we forever shall be blest / From out the reach of woe // He taught me justice and the laws / With pity to unite // And eke he taught me how to know / The wrong cause from the right // He taught me with a prudent hand // To feed the hungry poor // Nor let my servants drive away // The hungry from my door // And none can say hut all my life // I have his words kept // And summed the actions of the day // Each night before I slept.»³ [7, с. 8]. Слова Боудина, борца за правду, пронизаны чувством гордости за свое происхождение, уважением к традициям предков и законам чести, они выражают очень важную для Чаттертона мысль о том, что только человек, который уважает традиции и свое прошлое, может рассчитывать на достойное настоящее. В балладе «Хроники Бристоля» монах с гордостью повествует о его славных жителях. Вот, например, как представлена читателю личность рыцаря сэра Болдвина: «Ynne whilomme daies, as Storie saies // Ynne famous Brystowe towne // Dhere lyved Knyghtes, doughtie yn fyghtes // Of marvelous renowne. // A Saxonne boulde, renowned of oulde // For Dethe and dernie dede // Maint Tanmen slone the Brugge uponne, // I causynge hem to blede // Baldwynne hys Name, Rolles saie he same»⁴ [6, с. 268]. Могучими и бесстрашными выступают в поэмах предки английского народа, им чужды уныние и корность судьбе, и потому слава их не знает ни времени, ни границ.

Кроме того, немаловажны для автора и чисто человеческие качества его героев. «История Уильяма Каннинга» в поэтической форме повествует о жизни еще одного активного персонажа мистификации, мэра Бристоля, друга и покровителя поэта Роули, который проявляет преданность и благородство не только в общественной, но и в личной жизни. После смерти жены он отказывается от повторного брака с нелюбимой женщиной, дочерью короля, тем самым попадая в немилость и лишая себя всяких привилегий. Любовь и преданность оказываются для него важнее. О чести и верности, а также преданности своему королю с гордостью заявляет и Чарльз Боудин перед смертью: «I have a spouse, go ask of her, // If I defiled her bed? // I have a king, and none can lay // Black treason on my head.»⁵ [7, с. 8]. Измена в любой форме неприемлема для героев «Поэм».

Сам Томас Роули вызывает уважение и восхищение у читателя не только благодаря своему поэтическому дару. Сфера его интересов помимо церкви очень разнообразна: он интересуется стариной, пишет баллады и эпические песни, собирает исторический материал. Его работа тесно связана со светской жизнью Бристоля, а также приносит радость и является духовным развлечением для его соотечественников, переживающих смутные времена. Роули пишет свои славные эпические драмы, которые потом ставятся в замке господина Каннинга. Он реализует свои собственные интересы, делится знаниями в области геральдики, теологии, национальной истории, саксонской живописи, скульптуры, архитектуры, политики. Об этом свидетельствуют такие трактаты Роули, как «Подъем живописи в Англии», «История живописи в Англии», «О древней форме денег», «О происхождении, природе и моделировании скульптуры», «Пересечение старого моста в Бристоле». Его «документальная» проза полна исторических реалий, детальных и красочных описаний и бесценных фактов, которые свидетельствуют о богатом национальном наследии как материальном, так и духовном: «Nor was peyncteynge of Sheeldes their onlie Emploie, walles maie bee seene, whereyn ys auntiaunte Saxonne Peynteynge; and the Carvellynge maie be seene yn Imageries atte Keyneshame, Puckil Chyrche, and the Cas-

³ Свой род от знатных я веду // Об этом говорит // Герб геральдический отца // И предков медный щит // Отец давно ушел туда / Где тлен и вечный хлад // и скоро я из царства слез уйду в страну услад // Меня учил он сочетать / С любовью закон // Как отличать добро от зла / Преподавал мне он // Голодным щедрою рукой / Мне завещал помочь / Дабы от дома моего слуга не гнал их прочь // Кто смеет упрекнуть меня! // Заветы я берег // Дневных деяний перед сном / Я подволил итог (перевод М.В. Талова) [8, с. 301–302].

⁴ В далекие дни, как повествует история // В славном граде Бристоле // Жил да был рыцарь, отважный в боях // Имевший невероятную славу // Саксонский храбрец, прославленный в древности // За смертоносную его жестокость // Многие датчане, бежавшие обратно в Брюгге // Жаждали его крови // Болдвин имя его, то же говорят и летописи.

⁵ Есть у меня жена, спроси ее // Хоть раз предал ли ложе наше я? // И так же точно верность господину моему // Никто не смеет очернить доносом об измене.

tle; albeyt largerre thane Life, theie be of feetyve Hondiewarke » («Подъем живописи в Англии») ⁶ [7, с. 284]; «Then came Master Maior, mounted on a white Horse, dight with sable trappyngs, wrought about by the Nunnes of Sainete Kenna, with Gould and Silver; his Hayr brayded with Ribbons, and a Chaperon, with the auntient Arms of Biystowe fastende on his Forehead. Master Maior bare in his Hande a gouldin Rodde, and a Congeon' Squier bare in his Hande his Nehnet, wanlking by the Syde of the Horse» ⁷ [7, с. 280]. Исторические события мистификации создают невероятно реалистичную и позитивную картину прошлого, а гармония и слаженность жизненного уклада того времени восхищают современного читателя и ломают все стереотипы о варварском происхождении английской нации и низком статусе ее национальной традиции. При этом удивительно, насколько исторические персонажи отличаются от образов, созданных сатириком Чаттертоном на своих современников. Сняв маску Роули, он высмеивает их многочисленные пороки, и перо его беспощадно остро. В частности местный зажиточный торговец Джордж Кэткот в одной из сатирических поэм «Покорность» («Resignation») представлен как недалекий, алчный человек: «Catecott is very fond of talk and fame // His wish, a perpetuity of name; // Which to procure, a pewter altar's made // To bear his name and signify his trade» ⁸ [9, с. 122]. А вот презрительный отзыв Чаттертона о местном богаче Генри Бергеме, для которого он сфабриковал благородную родословную и за которую получил ничтожно малое вознаграждение: «What would Burgum give to get a name, // And snatch his blundering dialect from shame! // What would he give to hand his memory down // To time's remotest boundary? A crown!» ⁹ [9, с. 268]. В этом же контексте нельзя не вспомнить эпизод из мистифицированных дневников Чаттертона-Роули, где монах за свою творческую и культурную деятельность всегда получает щедрое вознаграждение от господина Каннинга, что, несомненно, свидетельствует о дальновидности последнего как человека, высоко ценящего литературу и искусство и всячески способствующего их процветанию. «I gave master Canninge my Bristow tragedy, for which he gave me in hande twentie pounds, and did praise it more than I did think myself did deserve.» ¹⁰ [7, с. 222]. Он и сам не уступает героям своих произведений в щедрости и благородстве, используя полученные им средства исключительно для процветания и преображения родного города.

В своих литературных фантазиях Чаттертон решает не ограничиваться лишь веком XV, поскольку его вымышленный автор интересуется историей и культурой родной Бристольи. Одни из самых значимых и ярких произведений цикла «Роули» возрождают сложные события времен датских и нормандских завоеваний в сочиненных им трагедиях «Аэлла» и «Годвин» и в двух «Гастингских битвах», представленных в форме историко-эпических поэм, якобы являющихся сочинениями саксонского монаха XI в. Тергота, свидетеля тех кровавых событий, и переведенными Томасом Роули для своих современников. Однозначно не случайно под руководством Чаттертона сам Роули в своем творчестве обращается к национальной истории, к славным и одновременно трагическим событиям давно минувших дней, когда единственным спасением для народа, жившего в постоянном ожидании военных набегов на свою территорию, были эмоциональная сплоченность и боевой настрой. Автор воскрешает в своих произведениях сложный исторический период непрестанной борьбы англосаксов с иноземными завоевателями, сначала с датчанами, затем с норманнами. И, несмотря на то, что эти исторические события обернулись поражением для англичан, он усматривает в них вещи гораздо более значимые, чем физическая победа. Главная тема каждого из этих произведений – это духовная непобедимость нации, патриотизм, неустранимость в бою, готовность сражаться до конца, даже когда трагический исход событий неизбежен. Немаловажную роль играют вдохновляющие речи военных или государственных лидеров перед каждым сражением. В их основе обычно лежат воспоминания о былых достижениях нации, доблестных предках, восхищение которыми поднимает боевой настрой и сплачивает армию даже в самых безвыходных ситуациях. Так звучат слова сэра Леовина: «To-day will England's doom // Be fixed for aye, for good or evil state. // This sun's adventure felt for years to come; // Then bravely fight, and live till death of date. // Think of brave AElfredus, yclept the Great; // From port to port the red-haired Dane he chased. // The Danes, with whom not lioncels could mate, // Who made of peopled realms a barren waste; // Think how at once by you Norwegia bled // Whilst death and victory for mastery bested // » ¹¹ [7, с. 163]. Многие произведения мистификации, особенно «Гастингские битвы», практически состоят из бесконечных военных сцен и изобилуют детальным описанием жестокости происходящего: «With mighty force his skull in two did cleave; // Falling, he shaked out his smoking brain. // As withered oaks or elms are hewn from off the plain... // Next Sieur du Moulin fell upon the ground, // Quite through his throat the lethal javelin

⁶ Роспись щитов не была их единственным занятием, также на стенах можно было видеть старинную саксонскую живопись; а резьба использовалась при изготовлении образов и фигур для Кейншама, Пукильской церкви и Замка, и несмотря на огромные размеры (здесь Чаттертон употребляет замысловатую гиперболу «больше чем живые»), они были изящной ручной работы.

⁷ Затем появился господин мэр, верхом на белом коне, украшенном черными поводьями, расшитыми золотом и серебром монахинями Св. Кена; ленты были влетены в его гриву, а на лбу красовался щит с изображениями старинного бристольского оружия. Господин Мэр гордо держал в руках золотой жезл, а его сквайр, шествуя рядом с лошастью, нес в руках его шлем.

⁸ Кэткот очень любит славу и пустые разговоры // его единственным желанием является увековечить свое имя, // И чтобы заполучить желаемое // Смастерил из олова алтарь, // Чтобы прославиться и заодно наладить торговлю.

⁹ Что бы только Бёргем ни отдал, чтобы раздобыть себе славное имя / и избавить свой грубый диалект от насмешек! // Что бы он только ни отдал, чтобы стать потомком древнейшего и благороднейшего рода? Корону!

¹⁰ Я отдал господину Каннингу свою «Бристольскую трагедию», за что он вручил мне двадцать фунтов со словами гораздо большей похвалы, чем я того заслуживал.

¹¹ Сегодня Англии судьба / Навеки будет решена во благо или во зло // Давно мы ждали этот миг / И потому сейчас // ступайте смело в лютый бой, так чтобы ваши имена остались жить в веках. // Ведь вы же Альфреда сыны, кто прозван был «Великим» // и от кого с портов страны бежал агрессор-викинг // Враждебной Дании войска, кого и лев страшился, // Из-за жестокости кого народ всего лишился // И кровь норвежская лилась от вашего меча // И потому победу взять вам даже смерть не сможет помешать //

press'd. // His soul and blood came rushing from the wound; // He closed his eyes and opened them with the blest.»¹² [7, с. 173]. В эпоху Просвещения утонченный читательский вкус практически не был искушен подобного рода грубым варварским искусством, противоречащим здравому смыслу, принципам морали и нравственности. Но как раз эта приторно-правильная, рафинированная литература вызвала быстрое пресыщение и эмоциональное угасание читателя, поскольку не ставила своей целью затронуть потаенные струны его души, не будоражила воображение и не удивляла. А новая поэзия Чаттертона, порождая всплеск эмоций, ужаса и одновременно восхищения, оказалась живительным потоком, возвращавшим к жизни не только национальную историю, но и литературу от просветительского забвения. Поэтическая значимость «Поэм Роули» достигается благодаря невероятному количеству и многообразию художественных средств. Из приведенного выше отрывка очевидно изобилие гиперболических метафор и ярких, порой ужасающих эпитетов и сравнений, которые делают произведение невероятно живыми и динамичными. Что может быть поэтичнее сравнения бурлящих обжигающих потоков алой крови, отражающих холодный свет луны, с грудями рубина и жемчуга: «Out streamed the blood, and ran in smoking curls, // Reflected by the moon, seemed rubies mixed with pearls.»¹³ [7, с. 159]. Во многом поэтичность произведений обусловлена образами природы. Герои и их действия всегда сравниваются с разбушевавшимися природными стихиями сурового климата Британии: раскатами грома, разрушительным ураганом или надвигающимся морским штормом, исполинским дубами и вязами: «Like thunder rattling at the noon of day... // Distort with pain he lay upon the borne, // Like sturdy elms by storms in uncouth writhings torn.»¹⁴ [7, с. 170]. В воображении автора воинственно настроенные рыцари часто находят сходство с разъяренным диким зверем: волком, медведем, свирепым львом, – ярость которого неукротима и неподвластна человеку: «As when a drove of wolves with dreary yells // Assault some flock, nor cares if shepherd kents»¹⁵ [7, с. 174]. Неповторимы по поэтичности и женские образы, чья значимость еще и в том, что любовь Чаттертона к своей родине, восхищение ее природными богатствами зачастую находят свое отражение в описаниях его героинь. Так, это чувство он воплощает в одном из его самых ярких образов, прекрасной Кеневальхе, жене отважного рыцаря Адгельма, сражающегося против норманнов: «White as the chalky cliffs of Britain's isle, // Red as the highest-coloured Gallic wine, // Gay as all nature at the morning-smile. // Those hues with pleasance on her lips combine; // Her lips more red than summer-evening skyen»¹⁶ [7, с.175]. Для описания красоты этой женщины англосаксонского происхождения поэт прибегает к сочным красочным сравнениям, близким и понятным английскому читателю, поскольку тот живет окруженный ими, они – его культура и традиция его земли, будь то восход солнца над белоснежными холмами Туманного Альбиона или же кубок насыщенного красного галльского вина. И потому образ Кеневальхи гораздо ярче и пленительнее манерных салонных красавиц из произведений Поупа или Драйдена.

Нельзя не отметить художественную ценность данной мистификации как стилизации. Чаттертон не просто возродил историю, не просто предоставил перевод древних произведений, как это, скажем, сделал Макферсон, он всестороннее и с полной отдачей подошел к этому вопросу, проявив себя еще и как умелый художник, как знаток геральдики, истории, староанглийского языка. Он сам сотворил древние рукописи, одному ему ведомыми средствами. Рисовал на собственноручно сделанном пергаменте гербы и символики, создавал целые указы и документы, письма, деловые отчеты. Позже эту изобретательность молодого поэта и весь процесс творения в красках описал Питер Акرويد в своем романе «Чаттертон». Он всеми средствами пытался доказать, что история есть, она жива, и вот они доказательства. Можно утверждать что, работая над «Поэмами Роули» Чаттертон также проявил себя как художник. Одним из важнейших аспектов стилизации в поэмах, безусловно, является их язык. Многие было сказано и написано о языке Роули, этот аспект, пожалуй, больше всего волновал ученых-филологов и стал основной причиной так называемых споров о Роули (Rowley Controversies). Диалект Роули – «своеобразная мельница», как ее называл Морис Хар в предисловии к изданию Тервита, состоящая из разных диалектов, староанглийского, среднеанглийского и слов, взятых из лубочных баллад [9]. В нем искали ошибки, неточности, несоответствия языку эпохи. К сожалению, в суете вокруг аутентичности произведений практически не были приняты во внимание значение и художественная ценность этой псевдосредневековой мистификации. Никто практически не пытался понять замысел поэта – восстановить чисто английский, северный язык, который меньше всего поддавался влиянию и ассимиляции с французским. Роули от имени Чаттертона открыто заявляет о своем отношении к чистоте языка и с презрением относится к разному рода заимствованиям, из-за которых его родной язык теряет свою мелодичность и оригинальность. Вот что он говорит в своем письме господину Каннингу: «Sir John, a knight, who hath a barn of lore, // Knows Latin at first sight from French or Greek; // Setteth' his studying ten years or more. // Poring upon the Latin

¹² С пронзительным треском череп на две части раскололся / И мозг его дымясь по полю расплескался, когда он оземь падал // С таким же грохотом мог повален дуб могучий быть иль вяз, // что вырублен безжалостной рукою... // За ним последовал Сэр де Мулен // Чье горло пронзило смертоносное копьё // его душа и кровь потоком хлынули из раны // Глаза свои прикрыл он и открыл их уже в блаженстве вечно.

¹³ И хлынула наружу кровь дымящимся потоком / И в лунном свете бурлящие потоки алой крови будто рубины с жемчугом сияли.

¹⁴ Как гром, гремящий в знойный полдень... // От боли корчась наземь он упал / Как вяз могучий, изувеченный грозью.

¹⁵ Как будто волчья стая со свирепым воем накинулась на стадо, // не страшась что пастырь может увидеть их.

¹⁶ Бела, как известняк холмов Британских // Румяна, как густое галльское вино // Игрива, будто бы улыбка утренней зори, / На чьих губах ее вся прелесть отразилась // И сами губы краше летнего заката.

word to speak. // Whoever speaketh English is despised, // The English, him to please, must first be Latinized»¹⁷ [7, с. 22]. По мнению Роули, просто смешно годами изучать греческий, латинский французский и забыть свою родную речь. С помощью Роули Чаттертон попытался возродить саксонский язык, существовавший до норманнов, свободный от латинского и французского влияния. Именно поэтому американский ученый Дж. Ингрэм советует читать «Поэмы Роули» в оригинале, чтобы прочувствовать все особенности и прелесть этого языка. Джон Китс в своем предисловии к «Эндимиону» называл Чаттертона «самым английским из всех английских поэтов», и это утверждение вполне справедливо. По красоте и чистоте языка он мог бы посоревноваться с Чосером, который, как утверждал Перси «сделал значительные нововведения в родной язык и ввел много терминов и речевых оборотов из других языков» [11, с. 290]. Диалект Роули отличается превалирующим количеством согласных звуков и краткостью слов, благодаря чему текст приобретает специфическую мелодичность, отличную от мягкой французской, но такую родную и приятную на слух для английского читателя: «Blacke hys cryne as the wyntere nyghte, // Whyte hys rodde as the sommer snowe, // Rodde hys face as the morgynge lyghte, / Cale he lyes in the grave belowe» [6, с. 281]. Однозначно, обыкновенному читателю, тем более не носителю языка, воспринимать язык Роули было бы весьма непросто, поэтому в данной работе основные цитаты приведены из уже адаптированных текстов. Благодаря мастерству Ульяма Скита современный вариант поэм несколько не умаляет их художественной ценности, но на диалекте Роули текст звучит гораздо эффективнее и оригинальнее. И, несмотря на то, что существуют целые научные труды, посвященные детальному лингвистическому анализу, доказывающие несостоятельность Чаттертона в использовании настоящего староанглийского языка, оригинальность замысла и успешную его реализацию никто оспорить не в силах. Гениальность Чаттертона еще и в том, что сфабрикованный диалект Роули выполняет важную функцию на пути к становлению новой идеи творчества еще только зарождающегося романтизма: максимально задействовать воображение читателя, поверить в реалистичность событий. Знакомые слова, облаченные в непривычную форму, делают их новыми и загадочными в глазах читателя. Те же, которые никогда не существовали в традиционном языке, и на первый взгляд кажутся бессмысленными, на самом деле имеют огромный поэтический потенциал, они вовлекают читателя в активное восприятие текста, как бы приглашают его самого поучаствовать в творческом процессе, тем самым максимально активизируя силу его воображения.

«Поэмы Роули» можно назвать своеобразной предромантической утопией, они – идеализированный мир, созданный Чаттертоном. Как и средневековый монах, молодой поэт стремился найти своего мецената, который так же, как и Уильям Каннинг, смог бы оценить и поддержать его творческие начинания. Такую поддержку он пытался найти в лице Горация Уолпола, который сам, будучи автором мистификации, а также человеком обеспеченным и с высокой репутацией, мог бы понять задумку молодого поэта и оказать ему поддержку. Но он был скорее просто высокообразованным человеком из высшего общества, нежели художником. Мистификацией Уолпол занимался исключительно ради забавы, и это отчетливо прослеживается в предисловии к «Иероглифическим сказкам»: «The Hieroglyphic tales were undoubtedly written a little before the creation of the world and have ever since been preserved by oral tradition in the mountains of Crampcraggiri, island not yet discovered»¹⁸ [12]. Здесь Уолпол с некоторой иронией отзывается о тех, кто якобы находил старинные рукописи, показывая, что все это абсурд. В самом конце предисловия к этому произведению он раскрывает свои планы по поводу очередной мистификации: «I have a more precious work in contemplation; namely a new Roman history, in which I mean to ridicule, detect and expose, all ancient virtue, and patriotism, and show from original papers which I am going to write and which I shall afterwards bury in the ruins of Carthage and then dig up»¹⁹ [12]. Совершенно очевидно, что писатель не вполне еще проникся новыми веяниями в культуре, для него, как и для большинства просветителей, важен факт и историческая правдивость произведения. Чаттертон ошибся, обратившись за помощью к своему фактически идеологическому противнику. Принято считать, что именно неприятный инцидент с разоблачением Уолполом «Поэм Роули» и отказ от дальнейшего сотрудничества с мистификатором явились главным жизненным разочарованием молодого поэта, началом его творческого, а после и физического разрушения. Он почти больше не занимался Роули, а переключился на сатиру, которая была для него лишь средством заработка, а не занятием для души. Чаттертон так и не смог принять факт своего творческого поражения и свел счеты с жизнью, выпив яд. Так, 24 августа 1770 года оборвалась жизнь одного из самых ярких и оригинальных поэтов XVIII века

Заключение. Мистификация Томаса Чаттертона – комплексное творение, которое являет собой оригинальное и законченное сочинение с целостной композицией, которую следует оценивать, прежде всего, с художественной и идейной точки зрения. Недаром его последователи, крупнейшие представители романтизма С.Т. Кольридж, Д. Китс, У. Вордсворт, Р. Саути, восхищались его творчеством. Вальтер Скотт одним из первых издал сборник произведений Чаттертона, в предисловии к которому определил их значимость: «Не заслуживает ли кто-нибудь еще более высокой похвалы, чем Чаттертон, кто возродил для нас великолепие и коло-

¹⁷ Сер Джон, рыцарь, который имеет уйму знаний, / Может с первых слов отличить латинский от французского или греческого // Продолжает учение уже на протяжении десяти с лишним лет // В разговоре сыплет латинскими словами // Призывает любого, кто говорит по-английски // И чтобы ему угодить английской речью сначала нужно ее латинизировать.

¹⁸ Иероглифические сказки были написаны незадолго до сотворения мира и с тех времен сохранились в устной традиции в горах Кампкрагири, необитаемого острова, еще неоткрытого.

¹⁹ У меня в планах более ценная работа; в частности новая история Рима, в которой я намереваюсь высмеять, выявить и показать все старинные добродетели и патриотизм и показать все это в оригинальных рукописях, которые я сам собираюсь написать и которые сам же потом и закопаю в руинах Картага, а после сам и откапаю.

рит дней давно минувших, – красоты, утраченные миром навсегда. Он в реальных красках описал нам средневековую жизнь, как Китс это сделал с эллинистической эпохой. Его работы пропитаны духом старинной романтики. Страницы его произведений изобилуют ослепительным блеском и звоном начищенных доспехов; галантные рыцари и благородные дамы восседают на престоле его величественного замка; пестрые толпы зрителей на полях турнира представлены нам во всей их красочности; и хотя вся эта великолепная картина омыта кровью, это только усиливает впечатление о тех далеких днях, когда истина и благородство правили миром, и рыцарство имело огромное влияние» [13, с. 24]. Поэзия Чаттертона-Роули – это пышное зрелище, поставленное гениальным фантазером. Это творение не для научно-лингвистического анализа, и ученые историки не найдут там точного ответа на свои вопросы. Но эта прекрасная средневековая утопия не оставляет читателя равнодушным, овладевая его фантазией, заставляя работать воображение в полную силу. «Поэмы Роули» воскрешают те далекие времена, когда воздвигали небывалые по великолепию, грандиозности и причудливости форм архитектурные сооружения, как Стоунхендж или готические соборы, когда мужчины были могучи, как дубы, и яростны, как львы, и смело без оглядки шли на защиту родины, когда законы морали и нравственности красовались не на бумаге и на словах, а рыцарь в глаза говорил правду трусу королю перед казнью. В образе Роули Чаттертон не просто экспериментировал с литературной формой, он четко видел и одним из первых начал активно использовать новые эстетические принципы. Средневековые «Поэмы Роули» были работой всей его жизни, второй жизнью поэта, той, которую он придумал сам, в которой мог любить и уважать свою родную Бристолию, где не было место хамству, невежеству, социальному неравенству и где почитали свое прошлое, гордились и дорожили им. Чаттертон стремился возродить былое величие Англии, вернуть славу и благородство английскому народу, заставить его поверить в свои силы, талант и потенциал, заложенный в нем веками. Он хотел, чтобы читатель узнал, что его народ способен сочинять стихи, писать картины и создавать скульптуры, равные по гениальности античным и итальянским мастерам, что родной язык его мелодичен и прекрасен, а по силе духа и мужеству национальные герои могут сравниться только с самыми мощными природными стихиями. Главной особенностью «Поэм Роули» является не сам факт использования мистификации как распространенного в то время литературного приема, а предромантические идеи творчества, национального и культурного возрождения Англии, которые переданы в каждой строчке этих необыкновенных произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ланн, Е.Л. Литературная мистификация / Е.Л. Ланн. – М., 2009. – 231 с.
2. Мейнеке, Ф. Английский преромантизм, Фергюсон и Берк [Электронный ресурс] / Ф. Мейнеке. – Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/r/Romanticism.html>. – Дата доступа: 22.02.2015.
3. Croft, H. Love and Madness: A Story Too True (In a Series of Letters between Parties, whose Names would perhaps be mentioned, were they less known, or less lamented) / Herbert Croft. – London, 1780. – 300 p.
4. Вершинин, И.В. Предромантические тенденции в английской поэзии XVIII века и «поэтизация» культуры : автореф. дис. ... докт. филолог. наук : 10.01.03 / И. В. Вершинин. – Самара, 2003. – 407 с.
5. Соловьева, Н.А. История зарубежной литературы. Предромантизм / Н.А. Соловьева. – М., 2005. – 271 с.
6. Chatterton, Th. The Poetical Works of Thomas Chatterton / Thomas Chatterton // Ed. Robert Southy. – London, 1804. – 488 p.
7. Chatterton, Th. The Poetical works of Thomas Chatterton / Th. Chatterton // Ed. W. Skeat. – London, 1872. – Vol. 2. – 346 p.
8. Зарубежная литература XVIII века : хрестоматия / сост. Б.И. Пуришев, Б.И. Колесников, Я.Н. Засурский. – М., 1988. – С. 293–305.
9. Chatterton, Th. The Poetical works of Thomas Chatterton / Th. Chatterton // Ed. W. Skeat. – London, 1872. – Vol. 1. – 378 p.
10. Hare, M.E. Chatterton's Rowley Poems / E.M. Hare. – Oxford, 1778. – 334 p. (Reprinted from Tyrwhit's Third edition).
11. Percy, T. Reliques of Ancient English Poetry / Thomas Percy. – London, 1910. – 358 p.
12. Walpole, H. Hieroglyphic Tales [Электронный ресурс] / H. Walpole // Электронная библиотекаbookrags.com. – Mode of access: <http://www.bookrags.com/ebooks/14098/#gsc.tab=0>. – Date of access: 05.02.2015.
13. Chatterton, Th. The Poetical Works of Thomas Chatterton / Th. Chatterton // Ed. Scott. W. – London, 1888. – 293 p.

Поступила 20.06.2016

THE IDEAS AND ARTISTIC VALUE OF PSEUDO-MEDIEVAL LITERARY HOAX "ROWLEY POEMS" BY THOMAS CHATTERTON

M. ANISIMOVA

The article gives a detailed analysis of the miscellaneous collection of pseudo-medieval poetry "Rowley Poems" by Thomas Chatterton. The article deals with the artistic, stylistic and thematic characteristics of the "poems" as well as their role in implementing the new ideas and principles of art in the second part of the 18th century. Special attention is paid to the author's presumable motives of turning to forgery and the background of its origin. Emphasis is made on the stylistic organization of the literary collection, its genre peculiarities and the variety of artistic devices used by the author to express his idea to revive the merit of the English national culture. On the bases of the analyzed material conclusions about high ideological and artistic value of the works are draw. By his unusual literary invention Thomas Chatterton not only proved to be an original artist but also introduces the keynotes for the new tendency in arts, based on the revival of traditional culture, folklore, freedom of poetic forms and imagination.

Keywords: pseudomedieval hoax, monk-poet, historical truth, artistic sincerity, national and cultural revival, poetry.